

Рыбу ловимъ для продажи, птицъ стрѣлямъ, звѣря бьемъ. На вывозкѣ и сплавѣ бревенъ наживаемъ...

Въ Финляндію годъ отъ году ходить народу меныше.

— Дома работы есть...

Почва въ Регозерѣ, какъ и по всей Кареліи, каменистая. Я осматривалъ небольшой клочекъ земли. На 28 кв. саженяхъ 30 большихъ камней, мелкихъ больше сотни... Камни карелы выворачиваются носредствомъ ломовъ и отвозятся въ сторону на саняхъ. Внослѣдствіи изъ камней образуется изгородь.

Въ Регозерѣ, въ сѣняхъ у одного мужичка, если не ошибаюсь, у Ф. Васильева есть интересный памятникъ старины—большой восьмиконечный деревянный крестъ съ выпуклымъ рѣзнымъ изображеніемъ И. Христа. На крестѣ такая надпись: „Царь Славы, Сынъ Божій. Кресту Твоему поклоняемся, Владыко и т. д.

Старовѣры собираются въ нраѣдникъ около креста, кадятъ ему (крынкой, въ которую кладутъ нѣсколько углей, ладону и соли), молятся. Замѣтьте, читатель, все это происходитъ въ маленькихъ грязныхъ сѣняхъ!

— Откуда у васъ кресть?

— Минѣ достался по раздѣлу отъ брата, братъ получилъ отъ отца. отецъ отъ дѣдушки, а дѣдушка не знай отъ кого...

Слѣдующая за Регозеромъ на пути къ Керети по Олангскому тракту деревня—Логоварака.

Логоварака болѣе тяготѣеть къ Керетской Кареліи. Объ этомъ въ особой главѣ.

М. И. Бубновскій.

(Продолженіе будетъ).

К. Ф. Жаковъ какъ личность.

Пишу К. Ф. Жакова съ натуры преимущественно и по впечатлѣніямъ отъ его книгъ въ частности.

Люби звѣзды, уважай Бога народа, ищи истину, такъ говорить Гарамортъ, а между строкѣ заставляетъ читать: будь искрененъ, сознайся въ слабостяхъ, чтобы силу ощутить. Къ сожалѣнію, мы узнаемъ людей по тому, какъ они говорятъ, но не по тому, какъ они живутъ. Профессоръ Жаковъ какимъ-то чудомъ совмѣстилъ слово и жизнъ. Онъ выявилъ себя въ своей литературѣ и продолжаетъ выявлять на кафедрѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Жаковъ—личность во всей натурѣ. Если бы онъ былъ только профессоръ, онъ умеръ бы прежде, чѣмъ родился. Взгляните на его жизнъ. Она—сплошная связь съ людьми и сплошная проповѣдь къ нимъ любить правду, любить Бога неисчерпаемаго, любить человѣка—прекраснѣйшее изъ твореній Его. Всегда и всюду взыгрываетъ къ унженіемъ, изнуреннымъ работой, забитымъ нуждой. Онѣ часто повторяетъ: „Взгляните на рабочаго, сидящаго на мокрыхъ камняхъ мостовой. Что онъ долженъ подумать, взглянувъ на мимо проходящихъ студентовъ съ портфелями и проѣзжающихъ въ экипажахъ важныхъ господъ?—Онъ скажетъ: „Должна быть правда! и если ея нѣть

на землѣ, то она есть на небѣ". И потому, господа, обращается онъ къ студентамъ, не отнимайте у него Бога—безъ вѣры онъ придется въ глубокое отчаяніе, и жизнь потеряетъ тогда для него всякий смыслъ. Такихъ людей забыть весь міръ и Богъ, на которого онъ надѣется, и люди, которыми онъ строить дворцы. Огнемъ сгораетъ сердце Гараморта, душа пылаетъ гнѣвомъ, искрометный умъ не знаетъ покоя и всѣмъ существомъ сливаются онъ съ душой этого каменщика и слышить, и чувствовать стонъ его, и задыхается среди земли, задавленный этими стонами горя людскаго. Вотъ первая причина страданія профессора и первыя слезы. Но не отъ слабости плачетъ Гарамортъ, а надламывается отъ собственной мощи—она въ тискахъ, нѣть ей простора, негдѣ размахнуться. „Трудно жить и тѣсно жить въ узкомъ горлышкѣ бутылки человѣку, широкому въ плечахъ“ (Подъ шумъ сѣверного вѣтра). Плачетъ Гарамортъ и оттого, что нѣть справедливости въ городѣ, простоты въ деревнѣ, а все это смѣнилось кумовствомъ, интригой. Усовершенствуется техника, а радость не увеличивается, заботъ много, а счастье, какъ тѣнь, убѣгаеть. Любовь къ природѣ и простотѣ вытѣснена наживой, городской суетой. Умираетъ первобытный человѣкъ. Развращенный городской культурой, онъ становится грубымъ дворникомъ, льстивымъ лакеемъ, лѣнивымъ хитрецомъ. (Сквозь строй жизни 3-я ч.). Но вотъ иной мотивъ его грусти. Это раздвоенность въ себѣ и въ самой природѣ. Она и смѣется, и плачетъ; умираетъ и рождается въ одно и то же время. Небо равнодушно, когда грудь земная колышется отъ страданій. И когда самъ сказочникъ углубляется въ нѣдра жизни своей, онъ тоже находить противорѣчіе: „О какъ я старъ, о какъ я молодъ, какъ я мудръ и какъ безуменъ я! Смѣюсь и плачу, радуюсь и скорблю. Горе и пѣсня могучая. Люблю и ненавижу“. И дальше: „Нѣть, я на людей не сержусь, я люблю міръ и все живущее въ немъ“. Да, такъ и есть. Онъ грустить и вмѣстѣ съ добрымъ молодцемъ о дѣвицѣ-красной и въ печальныхъ пѣсняхъ плачетъ неизвѣстно о чемъ. И тутъ, вотъ, тे-ряешься угадать, гдѣ начинается сказка, и гдѣ кончается быль. Все быль и сказка—жизнь! Бездна вопросовъ, какъ звѣздъ на небѣ яркихъ и глубокихъ беспокоятъ мятежную душу Гараморта. И многіе ли понимаютъ его иногда брилліантъ горящія мысли? Тутъ опять зарождается новая трагедія. Кругомъ одинъ. Никто не понимаетъ сущности добытой имъ всей тяжелой жизнью. Не понимаютъ мыслей, которыхъ онъ лелѣтъ, какъ мать дитя у своей груди. Ихъ не понимаютъ ни люди, ни друзья, которые, пожалуй, посмѣются. Не даромъ онъ читаетъ самыя сильныя молитвы, когда чувствуетъ одиночество во вселенной, одиночество въ кругу друзей. „Я кричу, говорить онъ,—кричу въ пустынѣ, и эхо раздается мое отъ большихъ горъ, но голоса человѣка не слышу я“. У змѣи есть другъ, у наука подруга, а онъ, непробудный бродяга, одинъ во всемъ мірѣ, а между тѣмъ такъ громадна его любовь къ людямъ. Назаревы и Нешатаевы его избранные друзья, и когда онъ слушаетъ обѣ ихъ единственномъ лучѣ, упавшемъ съ неба,—чай его смѣшивается съ горькой слезой. И такъ на протяженіи всей жизни онъ является какъ бы застрявшимъ въ узкую глубокую щель и рвется и кричить, но бездна подъ ногами, а наверху только далекая яркая звѣздочка. „Во мнѣ сидитъ“, какъ онъ выразился однажды—„человѣкъ прошлыхъ вѣковъ, кое-что имѣя будущаго.—Въ прошедшемъ—у меня сказки, въ будущемъ—моя философія“. А въ настоящемъ онъ только крѣпко держится за небесную скобку, идя сквозь строй жизни.

Онъ вѣрить въ ту единственную звѣзду, которая проникаетъ въ его узкую темную щель. Жаковъ удивительный страстотерпецъ. Мало того, что онъ пережилъ изображенное въ литературѣ, онъ подвергается второму испытанію, когда передаетъ свои переживанія суду, будучи лично подсудимымъ. О какъ трудно должно быть это, какъ больно было ему, когда мы забывали, что онъ человѣкъ и копались въ его ранахъ съ видомъ знахарей. Иногда еще свѣжую рану обдавали ёдкимъ плевкомъ. Но быть уязвленнымъ и выслушивать до конца, быть раненымъ и не уходить и разбитымъ, и больнымъ уйти только послѣ битвы, чтобы переболѣть, оздравить заново, чтобы снова и снова служить людямъ сказавъ: „Правда важнѣй литературы“. Удивительная стойкость въ правдѣ и еще удивительнѣе его откровенность. Кто можетъ разсказать о себѣ съ такой искренностью, не утаивъ самаго тайного, не скрывая наивнаго и не щадя самолюбія гордаго? И какъ часто бываетъ, мы считаемъ искренность за странность, и если человѣкъ разскажетъ то, что онъ чувствуетъ, сознается въ томъ, чего не знаетъ, раскроетъ то, что мы скрываемъ даже отъ себя, намъ становится какъ то неловко, и нась стыдить не ложь, а эта истина. И въ концѣ-концовъ намъ становится не интереснымъ это лицо, и мы не только прислушаться, даже слушать, не только изучать, даже уважать перестаемъ. Почему такъ? Не потому ли, что мы привыкли слушать тѣхъ, кто мало говоритъ, смотрѣть на тѣхъ, кого рѣдко видимъ, кланяться тому, кто нась не замѣчаетъ. Но профессоръ не таковъ. Не удивляйтесь, что порою онъ радуется, какъ ребенокъ, плачетъ, какъ дитя. Это не оттого, что онъ наивенъ, а оттого, что простъ и вовсе не умѣеть прикидываться холоднымъ ученымъ или путешественникомъ „съ научной цѣлью“. Напоротъ, мы услышимъ отъ него слѣдующія восклицанія: „Мы дивились диву!“ или: „Кузьмичъ, во снѣ мы или на яву!“ Или вродѣ того: „Боже мой, городъ Токіо вижу я!“ Можеть быть это слабость, но не есть ли въ то же время и сила? Мало ли того, чему мы удивляемся, да не говоримъ, сохраняя достоинство... Но не всегда Гарамортъ наивенъ. Какимъ глубокимъ и вдумчивымъ мы видимъ его, когда онъ призываетъ къ небу. Тутъ онъ не только вдохновененъ, но и мудръ, и выкованная стальна грудь кажется богатырской. Гдѣ научился онъ мудрости великой: постигать истину—сводъ небесный? Только жизнь его отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Мы вѣримъ, что онъ разскажетъ намъ еще много чудныхъ сказокъ, гдѣ „Нешатаевы“ найдутъ не въ петлѣ свои отвѣты, но въ томъ великому сліянію своего духа съ народнымъ, къ которому онъ неуклонно толкаетъ и о которомъ не устаетъ твердить.

Слушательница психо-неврологического института М. П. Топорова.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Засѣданіе Правленія 11 декабря. Доложенъ и заслушанъ финансовый отчетъ Общества за 1914 годъ, съ 1 января по 1 декабря. Приходъ О-ва къ 1 декабря выразился въ слѣдующихъ цифрахъ:

Предполож. Поступи-
по сметѣ. ло.

Членскіе взносы	450 р.	459 р. — к.
Подписка на „Извѣстія“ на 1914 г. . . .	2200 „	1719 „ 84 „